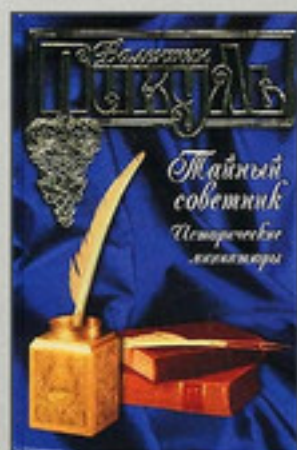

Валентин Пикуль

Тепло русской печки

Часть сборника
*Тайный советник. Исторические
миниатюры*

Тайный советник

Валентин Пикуль

Тепло русской печки

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Тепло русской печки / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ», — (Тайный советник)

«...Мы, русские, по сути дела, выросли от печки, мы танцевали от нее. Она давала в доме здоровье, готовила еду, согревала лежанку, пекла хлебы, а вкус топленого молока всем памятен. За печкой укрывались от женихов стыдливые невесты, за ней наши предки таили то, что надо было спрятать. Бытовали выражения: «Печкой ушибленный», «Не за печкой родился»; о печках слагали песни, печка вошла в народную мудрость пословицами: «Лежа на печи, выгладил кирпичи», «Сколь ни валяйся на печи, а генералом не станешь». Наконец, моя бабушка Василиса Минаевна Каренина рассказывала, что в их деревне парились в печках, как в бане, даже лучше...»

© Пикуль В. С.

© ВЕЧЕ

Валентин Пикуль

Тепло русской печи

Насколько помнится, о мастерстве печника в русской литературе писал только Сергеев-Ценский... Куда подевалась забытая терминология, близкая нашим предкам: туша, хайло, кошачий глаз, шесток, голбец, вьюшки, устье и прочие слова, говорящие о приятном тепле домашнего очага? Мы, русские, по сути дела, выросли от печи, мы танцевали от нее. Она давала в доме здоровье, готовила еду, согревала лежанку, пекла хлеба, а вкус топленого молока всем памятен. За печкой укрывались от женихов стыдливые невесты, за ней наши предки таили то, что надо было спрятать. Бытовали выражения: «Печкой ушибленный», «Не за печкой родился»; о печках слагали песни, печка вошла в народную мудрость пословицами: «Лежа на печи, выгладил кирпичи», «Сколь ни валяйся на печи, а генералом не станешь». Наконец, моя бабушка Василиса Минаевна Каренина рассказывала, что в их деревне парились в печках, как в бане, даже лучше...

Из печной идеи мы, русские, выжали буквально все, что можно. Но, к великому прискорбию, 95 процентов тепла вылетало в трубу. Теперь мы хорошо знаем цену леса. Мы не имеем права отапливать улицу, транжиря деревья на дровишки, и потому я не призываю читателя ломать радиатор парового отопления, чтобы украсить комнаты каминами...

И все-таки разговор пойдет именно о печках!

Наш герой имел не совсем-то благозвучную фамилию – Гнусин, но тут уже ничего не исправишь... Дмитрий Емельянович родился в 1826 году в приволжском селе Городище. Семья была крестьянская, но жила в достатке под надзором деда, потомственного печника, который смолоду промышлял по Руси торговлей в розницу. Наверное, от лотка коробейника, в котором «есть и ситец и парча», и появился в доме достаток. Дед был уже стар. Но в Ярославль хаживал только пешком, хотя на конюшне Гнусиных стояли лошади. Отшагивал туда 200 верст да еще 200 верст обратно. Вернется под родимый кров и, слова никому не сказав, сразу начинал пороть вожжами всех подряд – сыновей, невесток и внуков. Всыпав всем как следует, доставал из торбы гостинцы и тогда спрашивал:

– Ну, рассказывайте, как тут без меня ладили?..

Подобно царю, берегущему свой престол от посягательств, дед никого на печку не пускал. Внуков же своих прогонял с нее по лавкам со словами:

– Брысь отседова! Не баре, чай... Поживите с мое, а потом уж и грейтесь. Увижу кого ишо на печи – все уши пообрываю...

Митенька был еще мал, когда дед стал брать его «в отход» по окрестным деревням, где нуждались в услугах печника. Дед ведал многими тайнами этого древнейшего ремесла. Коли уж невзлюбит кого, тому и отомстит. Бывало, сложит врагу такую печку, что она, никого не грея, только дрова пожирала, а по ночам свистела и даже вздыхала протяжно, подражая повадкам домового.

– Ну хоть из дому беги! – говорили тогда...

Мальчику было десять лет, когда отец вызвал его из деревни в Москву, где он держал «печной подряд». Отец включил сына в артель на правах подмастерья, поручив надзирать за ним мастеру Василию, который (как вспоминалось Гнусину на старости лет) «колотил за неисправность, бранил меня всякими словами, а жаловаться отцу я не смел». Отец сам не раз кричал Василию:

– Чего ты с ним цацкаешься? Лупи его!..

Ребенку было трудно месить сырую глину, таскать кирпичи по этажам, но отец жалости к нему не ведал. Правда, мать вступилась было за свое чадо: мол, зачем ему дело печное, ежели Гнусины уже записаны в книгах купеческой гильдии?

– Торговое дело, – отвечал отец, – как посуда из глины, кокнуть можно, а мастерство – посуда золотая, налюбуйешься...

Скоро отец велел сыну «в науку» ломать печи в старых домах. Мальчик ударился в рев, но тут же получил от мастера Василия хорошую взбучку:

– Делай, что указано! И весь разговор...

Потом-то отрок понял, что ломка старых печей – такая наука, без которой печника не получится. Внутри голландских печей открылся целый мир, доселе неизвестный. Там переплетались такие сложные лабиринты, каким позавидовал бы и сам Минотавр. Иногда обороты дымоходов были столь интересны, словно он попал в волшебный замок.

– А чему дивишься? – сказал отец. – В хорошей печке, как в часах швейцарских, каждая штука от соседней зависит...

Россия согревалась от печей различных: были голландские, помнившие еще Петра I, свиязевские – наследие графа Аракчеева, утермарковские, аммосовские, калориферы инженера Собольщикова, чисто русские, наконец, просто печки – без названия, но в каждой из них жила душа мастера, таились его фантазия, норы, талант, ошибки и промахи... Заметив, что в сыне проснулся профессиональный интерес, отец сказал:

– Теперь сам сложи печку, какую хошь, но токо обороты дымовые без меня не строй... Боюсь, не справишься!

Отец удивился, когда сын, сложив печь, устроил ее обороты сам, но каким-то необычным способом, новым.

– Откуда ты это взял? – спросил он.

Митя сказал, что печку сломать и дурак может.

– Но я же не только ломал – я еще и думал, ломая.

Артель Емельяна Гнусина держала подряды, обслуживая печное хозяйство Кремля, она ведала сложным отоплением московских театров, печи Гнусиных обогревали гостиницы и постоянные дворы, было много частных заказов. Наладка дымоходов всегда нарушает замыслы архитектора, конфликты зодчего с печниками неизбежны, и потому Митеньке с детства довелось общаться с архитекторами. Это был Федор Рихтер, ближайший приятель живописца А. А. Иванова, создавшего бессмертное полотно «Явление Христа народу»; это был Константин Андреевич Тон, строитель Большого Кремлевского дворца и Оружейной палаты. От них Д. Е. Гнусин получил первые зачатки культуры, они привили ему золотое правило: учиться, учиться и учиться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.